Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.06.2025 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2025-5-139-147

БАГМЕТ Дарья Александровна,
студент Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ДЕПРИВАТИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ АКТИВОВ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СРОКА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. *Статья исследует правовые коллизии, возникающие при применении института исковой давности в контексте деприватизации стратегически значимых предприятий. Автор анализирует противоречие между принципом законности, требующим соблюдения процессуальных сроков, и интересами национальной безопасности, оправдывающими восстановление государственного контроля над ключевыми активами. На основе анализа законодательства, судебной практики и доктринальных подходов предлагаются пути балансирования публичных и частных интересов. В работе рассматриваются преимущественно правовые коллизии, возникающие в контексте деприватизации стратегических активов в России, в частности, при применении сроков исковой давности к сделкам приватизации 1990–2000-х годов. Актуальность исследования обусловлена ростом числа судебных разбирательств, связанных с возвратом государству объектов, переданных в частные руки с нарушениями законодательства, что создаёт угрозы экономической и энергетической безопасности. Цель работы — выявление противоречий между необходимостью защиты публичных интересов (национальной безопасности, суверенитета) и принципами правовой определённости, а также поиск механизмов их гармонизации. Выводы. Результаты исследования подтверждают необходимость разработки специальных правовых механизмов для деприватизационных процессов, включая введение исключений из общих сроков давности по делам, затрагивающим национальную безопасность (закрепление абсолютного предельного срока давности); установление компенсационных процедур для добросовестных собственников; повышение прозрачности критериев отнесения активов к стратегическим; введение механизма взаимной компенсационной процедуры для сторон спора. Делается вывод о целесообразности системного подхода, сочетающего точечные изменения законодательства (продление предельных сроков) и укрепление роли Конституционного Суда в толковании спорных норм. Предложенные решения направлены на баланс между защитой суверенных интересов государства и обеспечением стабильности экономических отношений.*

Ключевые слова: *срок исковой давности, приватизация, деприватизация, стратегические предприятия, национальная безопасность, законность, собственность, государственные интересы, судебная практика.*

BAGMET Daria Alexandrovna,
Student of the Financial University
under the Government of the Russian Federation

STRATEGIC ASSET DEPRIVATION: CHALLENGES OF APPLYING STATUTE OF LIMITATIONS IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY

Annotation. *The purpose of the study. The article explores the legal conflicts that arise when applying the statute of limitations in the context of the deprivation of strategically important enterprises. The author analyzes the contradiction between the principle of legality, which requires compliance with procedural deadlines, and the interests of national security, which justify the restoration of state control over key assets. Based on the analysis of legislation, judicial practice and doctrinal approaches, ways of balancing public and private interests are proposed. The paper mainly examines the legal conflicts that arise in the context of the deprivation of strategic assets in Russia, in particular, when applying the statute of limitations to privatization transactions in the 1990s and*

2000s. The relevance of the study is due to the growing number of lawsuits related to the return of privately owned facilities to the state in violation of the law, which poses threats to economic and energy security. The purpose of the work is to identify contradictions between the need to protect public interests (national security, sovereignty) and the principles of legal certainty, as well as to find mechanisms for their harmonization. Conclusions. The results of the study confirm the need to develop special legal mechanisms for deprivation processes, including the introduction of exceptions to the general statute of limitations in cases affecting national security (the establishment of an absolute limitation period); the establishment of compensation procedures for bona fide owners; increasing the transparency of criteria for classifying assets as strategic; introducing a mechanism for mutual compensation procedures for the parties to the dispute. The conclusion is drawn about the expediency of a systematic approach combining targeted legislative changes (extending deadlines) and strengthening the role of the Constitutional Court in interpreting controversial norms. The proposed solutions are aimed at balancing the protection of the sovereign interests of the State and ensuring the stability of economic relations.

Key words*: statute of limitations, privatization, deprivation, strategic enterprises, national security, legality, property, state interests, judicial practice.*

Механизм передачи госсобственности в частные руки, активно внедрявшийся в Россию в 1990-е годы, изначально преследовал цели оптимизации распоряжения ресурсами страны и активизации её экономического потенциала. Тем не менее, многие процедуры отчуждения госимущества сопровождались правовыми несоответствиями, что впоследствии потребовало пересмотра условий соглашений и реституции объектов через процедуру обратного перехода права собственности к государству [Ефимцева О.А., с. 11]. Наибольшие дискуссии вызывает возврат в государственное владение активов, играющих ключевую роль в обеспечении оборонного потенциала и суверенитета государства. Ведь в условиях глобализации и усиления геополитической конкуренции вопрос контроля над стратегическими активами приобретает критическое значение для обеспечения национальной безопасности. С позиции публичных интересов, восстановление контроля над такими объектами становится безусловным приоритетом в случае выявления нарушений при их первоначальной передаче. Однако законодательные нормы о временных ограничениях для подачи исков, призванные гарантировать устойчивость хозяйственных отношений, зачастую препятствуют реализации этой задачи.

Ключевая правовая дилемма заключается в поиске компромисса между потребностью в защите суверенных интересов через аннулирование незаконных сделок и соблюдением принципов правовой определённости, устойчивости рыночных отношений и гарантий для добросовестных владельцев, которые требуют неукоснительного следования установленным временным рамкам для оспаривания договоров.

Деприватизация — процесс возврата государству ранее приватизированных объектов — становится инструментом восстановления суверенитета над ключевыми отраслями экономики. Однако правовые механизмы деприватизации, в частности применение срока исковой давности, сталкиваются с противоречиями между необходимостью защиты публичных интересов и соблюдением принципа правовой определённости.

В ходе реформ 1990-х годов масштабная передача государственных активов в частный сектор коренным образом изменила структуру собственности. С течением времени, в обществе возникла дискуссия о целесообразности восстановления государственного контроля над стратегическими объектами, играющими ключевую роль в обеспечении оборонного потенциала и суверенитета государства. Под стратегическими активами понимаются предприятия и организации, имеющие существенное значение для обеспечения обороноспособности, безопасности государства, стабильного функционирования экономики, а также сохранения научно-технического потенциала страны. К ним могут относиться предприятия оборонного комплекса, энергетической отрасли, транспортной инфраструктуры, связи и коммуникаций, а также предприятия, обладающие уникальными технологиями и разработками.

Как было отмечено, деприватизация представляет собой механизм обратного перераспределения собственности, при котором ранее переданные частным лицам активы реинтегрируются в государственный или муниципальный сектор. Инструментарий для реализации этого процесса включает принудительный выкуп собственности (национализацию), временное изъятие в чрезвычайных обстоятельствах (реквизицию), а также судебное оспаривание законности первоначальных сделок.

Особую сложность в делах об оспаривании приватизации создают положения гражданского законодательства о временных рамках для защиты нарушенных прав.

Исковая давность — это установленный законом срок, в течение которого лицо, чьи права нарушены, может обратиться в суд за их защитой. Институт сроков исковой давности, закрепленный в Главе 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), является одним из фундаментальных элементов гражданского права, обеспечивающим стабильность правоотношений и защиту участников от необоснованных притязаний. Как отмечает автор А.П. Анисимов, - «установленные временные рамки регулируют имущественные взаимодействия, придавая ясность и стабильность юридическим взаимоотношениям. Они формируют дисциплину среди сторон, стимулируют ответственное выполнение коммерческих соглашений, а также гарантируют оперативную охрану законных интересов участников имущественных отношений» [Анисимов, 2025: 132].

Однако применение сроков давности сопряжено с рядом проблем, которые порождают дискуссии в научной среде и неоднозначность в судебных решениях.

К проблемам применения сроков исковой давности можно отнести неопределенность начала течения срока. Так, согласно ст. 200 ГК РФ, срок исковой давности начинается с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. Однако, как отмечает А.П. Сергеев, данная формулировка носит субъективный характер, что приводит к противоречивой судебной практике. Например, в делах о экологическом вреде момент возникновения осведомленности может откладываться на годы, создавая риски пропуска срока до выявления нарушения [Сергеев, 2021].

Субъективизм при восстановлении сроков не относится к положительным аспектам в вопросах применения сроков исковой давности. Статья 205 ГК РФ позволяет суду восстановить срок при наличии уважительных причин, но отсутствие законодательного определения «уважительности» порождает произвольность. По мнению С.А. Сарбаша, суды зачастую отказывают в восстановлении сроков по формальным основаниям, игнорируя социальные аспекты (например, тяжелое заболевание истца) [Сарбаш, 2022].

Многообразие специальных сроков (например, 1 год, 10 лет) создает путаницу. М.И. Брагинский указывает на необходимость унификации сроков, так как их дифференциация усложняет правоприменение и повышает риски ошибок [Брагинский, 2020]. Для устранения пробелов необходимо унифицировать специальные сроки, минимизировав их дробность.

Реализация этих мер позволит снизить уровень правового нигилизма и повысить доверие к судебной системе [Карапетов, 2021].

Особого рассмотрения требуют временные рамки исковой давности в отношении оспоримых соглашений. Исчисление периода давности по искам о применении последствий недействительности ничтожных сделок и их обжалование определяется не личным осознанием участника о нарушении его интересов, а фактическими условиями, связанными с началом реализации договоренностей [Белов, 2025]. В спорах, касающихся отмены приватизации, отдельное заявление о признании ее недействительной обычно отсутствует, органы прокуратуры указывают на изначальную нелегитимность соглашения как элемент своей аргументации. Поскольку приватизационный процесс базировался на юридически ничтожной сделке, не создавшей правовых результатов, прокуроры подчеркивают отсутствие законных оснований у частного владельца на обладание акциями (долями). Данный подход позволяет ссылаться на ст. 301 ГК, формируя основания для виндикационного иска. Кроме того, прокуратура настаивает на применении ст. 12 ГК, требуя возврата к исходному состоянию, предшествовавшему нарушению правопорядка.

Таким образом, применимо к процессу деприватизации отмечается следующее. Исковая давность обеспечивает стабильность гражданского оборота и побуждает государство вовремя защищать свои права. Однако в контексте деприватизации активов, важных для обороны, применение сроков давности может создать парадокс — формальное соблюдение закона угрожает национальной безопасности. Согласно норме статьи 196 ГК РФ, стандартный период для подачи исковых требований ограничен тремя годами с момента, когда лицо могло или должно было узнать и не может превышать десятилетнего срока. Это создает правовую коллизию: многие нарушения в процедурах приватизации вскрываются спустя десятилетия, когда восстановить справедливость через суд становится технически невозможно. Непосредственно, к проблеме применения срока исковой давности в рассматриваемых делах о происходящих ранее приватизаций имущественных комлексов, могут подтолкнуть несколько значимых факторов: сложность выявления нарушений; намеренное сокрытие информации о факте реализации приватизации для сохранения контроля над важными активами; течение времени, приводящее к смене головной структуры предприятия, что является благоприятным условием для сокрытия той или иной информации.

Видим, что подобные правовые ограничения существенно затрудняют возврат жизненно важных для государства объектов. Это указывает на целесообразную необходимость формирования специальных правовых механизмов, которые

позволили бы балансировать между принципами правовой стабильности и потребностями защиты стратегических интересов страны. Речь идет о разработке исключений из общих процессуальных норм для случаев, затрагивающих основы конституционного строя и экономическую безопасность.

Исследование судебных решений демонстрирует, что при разрешении споров о возврате имущества в государственную собственность и определении давностных сроков судебные инстанции ориентируются на ключевые критерии:

– влияние объекта на государственную безопасность. Чем выше значимость актива для обороны и стабильности страны, тем вероятнее удовлетворение иска о деприватизации, даже при пропуске установленных сроков;
– степень нарушений в процессе приватизации. Существенные отклонения от правовых норм при передаче собственности в частные руки повышают шансы на восстановление государственного контроля над активом;
– причины несоблюдения процессуальных сроков. Суды исследуют мотивы, приведшие к задержке в обращении, и определяют, насколько они объективны и уважительны.

Рассмотрим несколько судебных дел, с целью проведения анализа вынесенных судебных решений и частоты результатов удовлетворения исков генпрокуратуры к крупным предприятиям.

Первые прецеденты оспаривания приватизации, реализуемых в 1990-х годах, зафиксированы еще в 2020 году — в частности, тогда государство инициировало процесс реституции активов «Башкирской содовой компании» (дело № А07-20576/2020). Особый резонанс вызвал иск об изъятии энергетических активов, приобретенных у компаний экс-министра Михаила Абызова структурой предпринимателя Андрея Мельниченко. Однако конфликт был урегулирован - ведомство сняло претензии к основателю СУЭК, миллиардеру Мельниченко, а также к «Кузбассэнерго» и «Хакасской сервисно-ремонтной компании». В рамках соглашения стороны договорились о перечислении определенной суммы на благотворительные проекты, ориентированные на поддержку детского образования и просветительских инициатив.

Примечательно, что при рассмотрении исков о возврате акций, находящихся в неправомерном распоряжении компаний в государственную собственность, судебные инстанции имеют право самостоятельно устанавливать точку отсчета срока давности по таким делам. Данная позиция отражена в рассмотренном Определении Конституционного суда РФ № 3560-О/2024, которое оставило без удовлетворения ходатайство АО «Метафракс Кемикалс». ПАО «Метафракс» входит в число ведущих отечественных изготовителей метанола и сопутствующих продуктов. В августе 2023 года Генеральная прокуратура инициировала судебный процесс о конфискации акций «Метафракс Кемикалс», принадлежавших структурам «Метахолдинг» и «Метафракс Трейдинг», в пользу государства. Основанием послужил вывод ведомства о том, что сделки тридцатилетней давности не могут квалифицироваться как законная приватизация, поскольку предприятие, выпускающее опасные вещества (включая токсичный метанол), не подлежало такой процедуре. Надзорный орган указал, что государство было неправомерно исключено из состава собственников компании. Дополнительным аргументом стало признание предприятия объектом стратегического значения. Согласно законодательству, вопросы его приватизации должны были решаться исключительно на федеральном уровне. Однако в 1992 году программу перевода завода в частные руки санкционировал Пермский областной комитет по управлению имуществом, что, по мнению Генпрокуратуры, стало превышением его полномочий. Как указано в судебных документах, арбитражный суд поддержал исковые требования заместителя Генерального прокурора РФ о возврате в пользу государства 281 672 929 акций, находящихся в незаконном пользовании компании «Метафракс Кемилакс».

Компания предприняла неудачную попытку оспорить соответствие Конституции РФ следующих норм Гражданского кодекса: п. 1 ст. 10 («Пределы осуществления гражданских прав»), абз. 2 п. 1 ст. 149.3 («Защита нарушенных прав правообладателей»), п. 5 ст. 166 («Оспоримые и ничтожные сделки»); п. 1 ст. 200 («Начало течения срока исковой давности»). По мнению истца, указанные положения позволили судебным органам изымать бездокументарные активы, несмотря на истечение сроков давности, некорректно определять момент начала их отсчета, а также расценивать заявление ответчика о применении срока давности как злоупотребление правом. Кроме того, суд отказался признать участника спора добросовестным покупателем акций и не учел этот статус при вынесении решения. Конституционный Суд РФ подтвердил свою позицию, ранее неоднократно описанную в иных решениях, согласно которой статья 200 ГК РФ предоставляет суду право на усмотрение при установлении момента начала течения давностного срока. Это необходимо для эффективного отправления правосудия с учетом конкретных обстоятельств дела. Изъятие акций в пользу государства, как отмечено в определении КС РФ, направлено на

защиту публичных интересов: восстановление контроля над стратегически важными предприятиями, чья продукция угрожает безопасности граждан, предотвращение вреда здоровью населения и укрепление экономического суверенитета. Суд заключил, что оспариваемые нормы не нарушают конституционные права заявителя.

Что касается практики, прокурорские органы традиционно исчисляют давностный срок с момента проведения проверки, инициируемой ими же. Вопросы законности приватизации остаются дискуссионными из-за сложности реконструкции правового контекста 1990-х годов, когда законодательство о приватизации отличалось противоречивостью и неоднозначностью. Именно для исключения споров о применении устаревших норм и установлен институт исковой давности.

Следующим, не малозначительным является дело, где Генеральная прокуратура Российской Федерации инициировала иск о конфискации активов АО «Макфа» и связанных с ним предприятий в пользу государства. Следом появилась информация о блокировке рекордной суммы — 100 триллионов рублей — на счетах лиц, причастных к владельцам компании. Особое внимание привлекает состав фигурантов дела: в перечне ответчиков значатся 34 организации и 13 граждан, включая экс-депутата Государственной думы Вадима Белоусова и бывшего главу Челябинской области Михаила Юревича. Данный случай стал одним из крупнейших в практике российских правоохранительных органов по объему замороженных средств.

Согласно данным Генпрокуратуры, компании «Макфа», СМАК, «Челябинскоблгаз» и другие организации связаны с коррупционными схемами. Их фактическими владельцами названы Михаил Юревич и Вадим Белоусов, которые, занимая государственные должности, параллельно вели предпринимательскую деятельность, систематически игнорируя антикоррупционные нормы. Проверка показала, что чиновники скрывали своё участие в собственности ряда коммерческих структур и использовали служебное положение для продвижения личных финансовых интересов. Согласно позиции прокуратуры, исковые требования основываются на положениях подпункта 8 пункта 2 статьи 235 ГК РФ. Эта норма законодательства разрешает конфискацию имущества, если владелец не может подтвердить законность его приобретения в рамках требований антикоррупционных законов. Как указано в документе, при наличии достаточных доказательств незаконного происхождения активов всё имущество компаний, включая доли в уставном капитале, подлежит принудительной передаче в государственную собственность. Таким образом, ключевым условием для реализации данной меры является официально установленная связь между имущественными правами юридических лиц и коррупционными действиями их бенефициаров.

Весной 2023 года генеральная прокуратура инициировала изъятие в пользу государства акций завода «Исеть», производящего электроразъемы. Предприятие находилось в собственности уральского бизнесмена Малика Гайсина. Суд одобрил иск, руководствуясь положениями ст. 235 ГК (прекращение права собственности) и ст. 169 ГК (ничтожность сделок, противоречащих общественным устоям). Данное решение подтвердили апелляционная инстанция, кассационный суд. Судебные органы установили, что Гайсин, будучи депутатом Госдумы в 1995–2000 годах, нарушил антикоррупционные ограничения. Закон запрещает парламентариям совмещать мандат с предпринимательской деятельностью или управлением коммерческими организациями. Однако, как указал облсуд в материалах дела № 33-8604/2024, бизнесмен не только приобрёл контрольный пакет акций предприятия в указанный период, но и активно влиял на операционное управление компанией, включая принятие ключевых решений. Защита предпринимателя оспаривала применение статей 169 и 235 ГК, указывая на истечение сроков давности, судебные инстанции ссылались на правовые нормы, отсутствовавшие в законодательстве в период возникновения спорных правоотношений. 25 июня Верховный суд принял решение о передаче дела № 45-КГ24-6-К7 для повторного разбирательства в суд. Свою позицию суд пояснил следующим образом. До 8 июля 1999 года законодательные нормы не ограничивали право парламентариев участвовать в руководстве предприятиями, а до 25 декабря 2008 года — владеть акциями при отсутствии конфликта интересов. Более того, как подчеркнул ВС, из буквальной трактовки действовавшей в тот период редакции закона «О статусе депутата» и указа главы государства № 361 от 4 апреля 1992 года следует, что депутат не относится к категории служащих государственного аппарата. Следовательно, ограничения на коммерческую деятельность не распространялись на лицо. Также, по мнению суда, у нижестоящих инстанций не было оснований применять к ситуации подпункт 8 пункта 2 статьи 235 ГК РФ, регулирующий конфискацию имущества, связанного с коррупцией. Данная норма вступила в силу только после начала первого отчетного периода с момента принятия поправок, то есть с 1 января 2013 года. Критике со стороны ВС подверглось и отсутствие со стороны прокуратуры детального расчета финансовых претензий. Согласно закону, надзорный орган обязан был предоставить данные о доходах лица и определить разрыв между

фактической стоимостью его активов и заявленными в документах поступлениями. Итогом, суд подчеркнул, что вовлечение Генеральной прокуратуры РФ и иных институтов публичной власти не является самостоятельным аргументом для игнорирования данных правил.

Встречаются дела, где суд отказывает прокуратуре в иске. Так, в первой декаде сентября 2024 года 2-й ААС аннулировал вердикт по делу №А17-1139/2024 о принудительном изъятии в государственную собственность долей акционерного капитала Ивановского завода тяжелого станкостроения (ИЗТС), ранее вынесенный по иску Генпрокуратуры. Арбитражный суд удовлетворил требования истца на закрытом слушании, однако ответчики подали апелляцию. Рассмотрев доводы, 2-й ААС поддержал их позицию, отклонив претензии государственных органов. Апелляционная инстанция подтвердила, что ИЗТС не относился к оборонным объектам и отсутствовал в реестре предприятий военно-промышленного комплекса. Следовательно, нормы о необходимости федерального утверждения и согласования приватизации в данном случае не подлежали применению. Дополнительно суд отметил пропуск Генпрокуратурой сроков исковой давности. Согласно правовой позиции, отказ в применении данного института допустим лишь при доказанности злоупотребления правом со стороны ответчиков или третьих лиц, что в материалах дела отсутствовало. Сделка по приобретению акций носила публичный и компенсационный характер, исключая признаки недобросовестности. Ссылаясь на абзац 2 п. 2 ст. 199 ГК РФ, суд подчеркнул, что истечение давностного срока является самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении иска.

Таким образом, апелляция выделила два принципиальных аспекта:

– Требования носили виндикационный характер, что предполагает применение общих правил о давности;
– Отсутствие злоупотреблений со стороны ответчиков сделало неправомерным отказ первой инстанции в учёте пропуска сроков.

Решение 2-го ААС согласуется с ранее сформированной практикой Верховного Суда РФ, в частности, с его позицией по делу «Исети». Этот вердикт укрепляет принципы правового государства, демонстрируя последовательность судебной системы.

Конституционный Суд РФ в своем решении от 31 октября 2024 г. № 49-П подчеркнул, что сроки давности действуют только в отношении исков о конфискации активов, связанных с коррупционными схемами, в пользу государства. Судьи акцентировали, что коррупция представляет собой одно из наиболее деструктивных явлений для общества, а введение временных ограничений на подачу исков могло бы создать почву для её процветания и усложнения методов сокрытия незаконных доходов. В большинстве ситуаций незаконной приватизации прослеживается коррупционная подоплёка, что подталкивает на предположение, что в будущем прокуратура будет чаще апеллировать к доказательствам коррупционных действий в делах о возврате имущества в госсобственность. При этом данная норма не затрагивает иные судебные требования, включая разбирательства о нарушениях процедуры приватизации. Таким образом, в случаях изъятия имущества, приобретенного с нарушением законодательства о приватизации, суды обязаны учитывать сроки исковой давности, закрепленные ГК РФ. Вместе с тем подходы к определению временных рамок варьируются в зависимости от специфики конкретного дела и фактически установленных обстоятельств.

Как было ранее отмечено, в большинстве громких судебных разбирательств, связанных с конфискацией собственности, судебные инстанции придерживаются позиции, согласно которой отсчет индивидуального процессуального срока начинается с момента завершения прокурорской проверки, послужившей основанием для обращения в суд. В данных прецедентах судьи установили, что переход прав на объекты собственности произошел против воли владельца из-за решений о приватизации, принятых лицами, превысившими свои полномочия. Кроме того, ими была отклонена возможность применения максимального десятилетнего периода для предъявления требований, закрепленного в п. 2 ст. 196 ГК РФ. Примечательно, что в соответствующих решениях отсутствует аргументация, поясняющая отказ от использования указанного предельного срока. Тем не менее, если учитывать позицию Верховного Суда РФ (абз. 2 п. 27 Постановления Пленума №43 от 29.09.2015), десятилетний период, предусмотренный редакцией закона №100-ФЗ, вступил в силу не раньше 1 сентября 2013 года. Таким образом, выводы судов об исключении применения максимального срока давности в упомянутых делах следует признать логически корректными, поскольку истцы обратились за защитой прав в пределах установленного законом периода. Одновременно метод, при котором старт отсчёта временного периода поставлен в зависимость от решения заявителя или иного должностного лица, начавшего соответствующее расследование, создаёт риск фактически безграничного увеличения периода для подачи иска.

Кроме того, некорректной представляется позиция судебных органов, пренебрегающая

правами добросовестных покупателей. Например, в деле о конфискации акций Соликамского магниевого завода (№ А50-21394/2022) суды не приняли во внимание интересы миноритарных акционеров, купивших ценные бумаги на биржевых торгах спустя длительный срок после завершения приватизации. При этом судебные инстанции проигнорировали нормы п. 7.3 ст. 18 ФЗ № 325 от 21.11.2011 «О биржевых торгах» в сочетании с п. 1 ст. 149.3 ГК РФ, запрещающие изымать имущество у добросовестного владельца, если они приобретены на организованных торгах. Вследствие этого участники рынка лишились активов без возмещения компенсации, несмотря на отсутствие связи с процессом приватизации.

В редких решениях, вынесенных в пользу ответчиков, суды определяют начало срока исковой давности с даты официальной регистрации предприятия (как юридические лица), чьи активы подверглись приватизации (постановление 2-го ААС от 20.09.2024 по делу № А17-1139/2024), с момента одобрения программы приватизации (постановление 5-го ААС от 03.05.2024 № 05АП-1848/2024) или со дня смены собственника объекта недвижимости (постановление АС СКО от 14.04.2022 № Ф08-2324/2022 по делу № А63-3403/2021). В указанных случаях ответчики подтвердили истечение всех сроков давности, отсутствие противоправных действий при получении активов по действовавшим на тот момент нормам, а также добросовестность своей позиции. Подобная аргументация может служить основой для разработки тактики защиты в аналогичных правовых конфликтах.

Анализируя приведенные примеры практики, выделяется, что основной и наиболее часто применяемой тактикой Генеральной прокуратуры в подобных разбирательствах является пересмотр правовых аспектов приватизационных процессов 1990-х годов. В рамках этой стратегии проводится детальный анализ архивных документов с целью обнаружения отклонений от установленных на тот момент процедур.

Механизм деприватизационных исков:

Надзорный орган утверждает, что приватизированные объекты входили в перечень активов, находившихся под исключительным контролем федерального правительства и не подлежавших передаче в частные руки. По его версии, центральные власти не санкционировали такие сделки, а региональные структуры, осуществившие их, действовали за пределами своих полномочий.

Следом, подчеркивается, что сама приватизационная сделка является изначально недействительной, так как затронула интересы государства в сфере безопасности или нарушила базовые правовые нормы, её ничтожность преподносится как неоспоримый факт в рамках правовой аргументации.

Поскольку недействительность сделки не создает юридических последствий, у частных владельцев, по мнению заявителей, отсутствуют законные основания для владения акциями или долями. Это позволяет прокуратуре ссылаться на ст. 301 ГК РФ, требуя возврата имущества государству. Дополнительно на основании ст. 12 ГК РФ выдвигается требование о восстановлении исходного статуса активов до момента их приватизации.

Суды, как правило, поддерживают данную позицию, акцентируя внимание на отсутствии официального уведомления федеральных органов о сделках. Это, по мнению судей, лишало правительство возможности своевременно выявить нарушение и идентифицировать ответственных лиц.

Таким образом, гражданско-правовые нормы устанавливают, что требовать возврата имущества в пользу государства допустимо при наличии нарушений в процедуре приватизации. Для изъятия объектов у лиц, приобретших их на возмездной основе, необходимо подтвердить, что передача собственности не была санкционирована уполномоченным органом. Важно, что правовые последствия незаконной приватизации распространяются на всю цепочку дальнейших операций с имуществом, независимо от добросовестности последующих владельцев.

Ключевым основанием для обращения в суд служит положение о противозаконности передачи государственных объектов в частные руки, что подтверждается выдачей разрешающих документов органами, не обладающими соответствующими полномочиями. В свою очередь, ответчики в подобных процессах чаще всего апеллируют к истечению установленных законом сроков для подачи претензий, добросовестности нового владельца и/или правомерности сделки, на основании которой имущество было отчуждено.

В настоящее время анализируются возможные варианты преодоления сложностей, связанных с установлением временных ограничений по искам о возврате государству имущества, ранее переданного в частный сектор. В числе мер предполагается модернизация правовой базы, закрепление абсолютного предельного срока, после которого оспаривание сделки становится невозможным. Например, введение в статью 196 ГК РФ дополнения: «Исковые требования об изъятии имущества, находящегося в собственности РФ, регионов или муниципалитетов, из незаконного владения могут быть поданы в течение двадцатилетнего срока с момента возникновения непра-

вомерного пользования данными объектами». Это обеспечит стабильность имущественных отношений, что соответствует базовым принципам гражданского права. Тем не менее, подобный подход сталкивается с правовыми противоречиями. Согласно базовым принципам законодательства, отсутствие обратной силы закона исключает применение новых сроков давности к правоотношениям, сложившимся до их введения. Таким образом, даже при внедрении указанной нормы, она не затронет споры, связанные с приватизацией 1990-х годов.

Введение справедливого механизма возмещения (механизм взаимной компенсационной процедуры). Эта модель предусматривает, с одной стороны, возможность изъятия активов в государственную собственность, а с другой — гарантирует предыдущему владельцу денежное возмещение по рыночной стоимости с учетом ранее произведенных инвестиций. В случае изъятия объекта у добросовестного собственника компенсация должна рассчитываться с учетом рыночной оценки актива и вложений владельца в его модернизацию. Игнорирование этого принципа подрывает доверие инвесторов, повышая риски отсутствия вложений в российские активы. Дополнительно, для защиты интересов собственника целесообразно проводить независимую оценку стоимости долей или акций, демонстрирующую рост цены актива по сравнению с периодом приватизации. Это подтвердит, насколько возврат объекта государству приведет к несправедливой выгоде казны, так как текущая стоимость создана преимущественно за счет частных инвестиций и эффективного управления.

Видеться целесообразным закрепление презумпции недобросовестности приобретателя. Если сделка по приватизации значимого актива содержит правовые нарушения, следует законодательно зафиксировать предположение о нечестности нового собственника. Оспорить это предположение он сможет только через суд, предоставив доказательства добросовестности.

Модернизация механизмов мониторинга приватизированной собственности. Необходимо внедрить централизованную систему отслеживания таких активов, которая позволит оперативно обнаруживать незаконные схемы, нарушения условий договоров и принимать меры для их аннулирования. Эти изменения помогут уравновесить интересы государства и частных владельцев, а также повысят прозрачность процедур, связанных с критически важными объектами.

Отмечается, что своевременные уточнения, касаемо применения сроков исковой давности, со стороны высшей судебной инстанции помогут достичь баланса между двумя приоритетами: защитой общества от коррупционных злоупотреблений и предотвращением неоправданной конфискации собственности у добросовестных владельцев. Обе эти задачи рассматриваются как фундаментальные элементы государственной политики в правовой сфере.

Деприватизация стратегических предприятий остается одним из наиболее дискуссионных вопросов в современном праве, ведь данный процесс над стратегическими активами остается зоной конфликта между принципами незыблемости собственности и императивами национальной безопасности. Процесс возврата государству активов, приватизированных с нарушениями или утративших частный статус в силу их стратегической значимости, сталкивается с правовым барьером — институтом исковой давности. С одной стороны, законность требует придерживание к установленным срокам защиты прав (ст. 195–208 ГК РФ), с другой — национальная безопасность может диктовать необходимость пересмотра сделок даже спустя десятилетия. Данная статья была направлена на выявление правовых механизмов разрешения этого конфликта. Требуется точечная корректировка законодательства, направленная на установление баланса через специальные нормы о сроках давности, повышение прозрачности критериев отнесения активов к стратегическим, усиление роли Конституционного Суда в толковании спорных вопросов. Только системный подход позволит минимизировать риски как для государства, так и для частных инвесторов, обеспечив устойчивое развитие в условиях современных вызовов.

Список литературы:

[1] Абрамова Е. Н., Аверченко Н. Н., К. М. Арсланов К. М.; под ред. А. П. Сергеева, Гражданское право: учебник в 3 т. Т. 2 — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2021 г. — 880 с.

[2] Анисимов, А. П., Козлова М. Ю., Рыженков А. Я.; под общей редакцией А. Я. Рыженкова. Гражданское право. Общая часть: учебник для среднего профессионального образования — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 435 с.

[3] Белов, В. А. Гражданское право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 451 с.

[4] Брагинский М. И., Витрянский В. В., Договорное право: общие положения — 4-е изд. - Москва: Статут, 2020. - 847 с.

[5] Ефимцева О.А. Государственно-правовое регулирование обязательственных правоотношений субъектов предпринимательской деятельности (особенности обеспечения надлежащего исполнения обязательств в новых геополитическихусловиях) / О. А. Ефимцева // Правовой альманах. – 2024. – № 1(32). – С. 10-16.

[6] Карапетов А.Г. Борьба за признание права. М.: МЛЮ, 2021. 308 с.

[7] Радыгин А.Д. и др. Приватизация 30 лет спустя: масштабы и эффективность государственного сектора —(Научные доклады: экономика) / А.Д. Радыгин. - Москва: 2019. - 76 с

[8] Сарбаш С.В. Элементарная догматика обязательств: Учебное пособие / Исслед. центр частн. права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, Рос. школа частн. права. - М.: Статут, 2022 г., 336 с.

Spisok literatury:

[1] Abramova E. N., Averchenko N. N., K. M. Arslanov K. M.; pod red. A. P. Sergeeva, Grazhdanskoe pravo: uchebnik v 3 t. T. 2 — 2-e izd., pererab. i dop. — Moskva: Prospekt, 2021 g. — 880 s.

[2] Anisimov, A. P., Kozlova M. Yu., Ry`zhenkov A. Ya.; pod obshhej redakciej A. Ya. Ry`zhenkova. Grazhdanskoe pravo. Obshhaya chast`: uchebnik dlya srednego professional`nogo obrazovaniya — 5-e izd., pererab. i dop. — Moskva: Izdatel`stvo Yurajt, 2025. — 435 s.

[3] Belov, V. A. Grazhdanskoe pravo v 2 t. Tom 1. Obshhaya chast`: uchebnik dlya vuzov — Moskva: Izdatel`stvo Yurajt, 2025. — 451 s.

[4] Braginskij M. I., Vitryanskij V. V., Dogovornoe pravo: obshhie polozheniya — 4-e izd. - Moskva: Statut, 2020. - 847 s.

[5] Efimceva O.A. Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie obyazatel`stvenny`x pravootnoshenij sub``ektov predprinimatel`skoj deyatel`nosti (osobennosti obespecheniya nadlezhashhego ispolneniya obyazatel`stv v novy`x geopoliticheskixusloviyax) / O. A. Efimceva // Pravovoj al`manax. – 2024. – № 1(32). – S. 10-16.

[6] Karapetov A.G. Bor`ba za priznanie prava. M.: MLYu, 2021. 308 s.

[7] Rady`gin A.D. i dr. Privatizaciya 30 let spustya: masshtaby` i e`ffektivnost` gosudarstvennogo sektora —(Nauchny`e doklady`: e`konomika) / A.D. Rady`gin. - Moskva: 2019. - 76 s

[8] Sarbash S.V. E`lementarnaya dogmatika obyazatel`stv: Uchebnoe posobie / Issled. centr chastn. prava im. S.S. Alekseeva pri Prezidente RF, Ros. shkola chastn. prava. - M.: Statut, 2022 g., 336 s.

